…Утром Марта не обнаружила гостей. Как они умудрились выйти, не издав ни одного достаточно громкого звука, осталось загадкой. Тем не менее, синтеты доели то, что осталось от ужина, вымыли посуду и оставили на столе записку.

Женщина подняла бумагу и вчиталась в аккуратные строки. Не верилось, что их могли написать копытами. Для мыша же ручка была бы подобна бревну, что тоже плохо сочетается с каллиграфическим почерком.

Из раздумий Марту Брикман вырвал зуммер входной двери. И кого только в такую рань нелёгкая несёт?..

За дверью, судя по изображению с камеры, стояли двое мужчин в плащах и шляпах, в которых любой из недавних гостей без труда бы узнал преследователей.

— Здравствуйте, — сказал пожилой мужчина в сером плаще, затем спросил: — Можем мы войти? Мэм?

— А ордер у вас есть? — осведомилась женщина, не спеша открывать.

Рок собрался было огрызнуться, но детектив примирительно вскинул руку:

— Мэм, мы не из полиции. Просто ищем сбежавшую продукцию компании и не собираемся устраивать обыски.

— Ну что ж, прошу, — вздохнула Марта и открыла дверь.

Не то чтобы она сразу доверилась новым гостям. Просто почему-то казалось, что если они захотят, войдут всё равно. Особенно угрюмый тип в чёрном, закрывающий лицо полями шляпы и поднятым воротником.

— Догадываетесь, кто нам нужен? — спросил он, широкими шагами пройдя в квартиру и бросив на женщину взгляд недобрых красных глаз.

— Кто вы? — вопросом ответила Марта, — И тише, пожалуйста, разбу́дите ребёнка.

Мужчина в сером поднял руку, и над коммуникатором возник небольшой голографический экран с удостоверением на имя Дика Трейси.

— Сыскная служба БРТО, — представился он, — Я детектив Трейси, а это судья Рок. Мы разыскиваем беглых синтетов. И мы знаем, что они были тут.

— Беглых?

— Да. Потенциально опасных для окружающих.

Повисло неловкое молчание. Марта спросила:

— Хотите чаю?

— Нет, спасибо, — покачал головой Трейси, — Мы быстро. Они здесь?

— Они ушли, — сказала Марта, — и я не знаю, куда и в котором часу.

— Трейси! — позвал Рок из комнаты, — Ты только полюбуйся!

— Прошу прощения, — произнёс детектив, проходя к напарнику.

Судья стоял посреди комнаты, держа в руке оставленную Лирой бумагу, исписанную аккуратным, «рогописным» почерком.

Рок мерзко усмехнулся и прочитал вслух:

— «Спасибо Вам, Марта, за гостеприимство и ужин. Надеюсь, у вас с дочкой всё будет хорошо. Извините, что ушли, не попрощавшись, но мы правда торопимся. Мы доели кашу и взяли с собой немного яблок. Оставляем денег, потому что Вам они наверняка нужнее. С наилучшими пожеланиями, Лира Хартстрингс, Скуталу, Джерри»… Как это мило, чёрт побери!

Марта посмотрела на несколько крупных купюр, придавленных ручкой на столе. Почти три тысячи. Больше, чем двухмесячный заработок продавщицы в мегамолле «Линия»…

— Вы же понимаете, что подвергли опасности не только свою жизнь, но и жизнь дочери? — спросил детектив.

Марта, наконец, нашла в себе силы ответить:

— Послушайте, вы оба. Я не знаю, что натворили эти… пони и мышонок, но вам должно быть стыдно, если гоняетесь за такими как они.

— Вот как? — спросил судья, смяв в руке записку, — Это почему же?

— Внешность синтетов порой обезоруживает, — пожал плечами Дик, — но следует помнить,

что они не сами такие. Их всего лишь создали.

— Они выглядят и ведут себя как живые, а также полноценно чувствуют. В чём принципиальная разница и для них, и для нас?

— У них нет души, — бросил Рок, но женщина не уступила:

— Глядя на людей, живущих в этом городе, за них я тоже не уверена.

Трейси вздохнул.

— Мэм, поймите, сбившаяся поведенческая программа…

— Хватит, — прервала Марта, и в голосе её послышался металл, — Да, они были тут. Все трое. Две лошадки и мыш. И да, я накормила их ужином и позволила переночевать. И не потому, что они обещали мне деньги, можете их забрать, кстати. Но как видите, они уже ушли, не причинив никакого вреда. Так что я вас больше не задерживаю, господа.

Рок шагнул вперёд, намереваясь что-то сказать, но Дик остановил его рукой и покачал головой. Судья что-то неразборчиво буркнул и вышел из квартиры, не закрыв дверь.

— Вы ничего больше не хотите нам сказать, мэм? — спросил Трейси, — Корпорация может предъявить иск за помощь беглым синтетам.

— У меня нет сканера, чтобы проверять, беглые они или нет, — ответила Марта, — Я видела просто голодных и замёрзших… детей, которые на ночь глядя оказались на улице в Сером городе. И я теперь понимаю, почему. А вы лучше занялись бы настоящим делом, например, бандой байкеров-генофриков, что носятся под окнами каждую ночь и по-волчьи воют на луну. Или наркопритоном на пятьдесят третьем этаже.

— Это не в нашей компетенции, мэм.

— Да, понимаю, зато в вашей компетенции гоняться за маленькими лошадками. Небось, ещё и с бластерами наперевес. Очень храбро. Приведите ещё взвод солдат и танк, а то они… как Вы там говорили? «потенциально опасны для окружающих».

Дик вздохнул. Положа руку на сердце, ему и самому это задание не нравилось. И впрямь: одно дело преследовать съехавших с катушек чудовищ, но совсем другое — ожившие детские игрушки, в страхе бегущие от жестоких хозяев. Чудовищами Дик занимался вот уже больше тридцати лет. Драконы, динозавры, ксеноморфы, орки и прочие полубоевые модели без стоп-скрипта. И он догадывался, что будь в кейсе корпорации что-то законное, пропажу просто объявили бы в розыск с обещанием вознаграждения. Но задание дурно попахивало: приказ вернуть похищенное сопровождался дополнительным пунктом о ликвидации всех причастных

синтетов.

И приставленный в качестве напарника судья тоже наводил на определённые мысли.

— Мэм, — сказал Дик, тоже направляясь к выходу, — мы просто исполняем приказ.

— Я была уверена, что Вы это скажете, детектив. Задайте себе как-нибудь вопрос, что для Вас значат подобные приказы.

Когда за спиной детектива закрылась дверь, дожидающийся напарника судья Рок процедил сквозь зубы:

— Ненавижу этих мамаш с их инстинктами, — он поднял руку, на которой прерывисто пиликал включённый коммуникатор, — Сигнал рассеялся. Они снова нырнули под землю.

Дик кивнул и направился к выходу. Машина стояла во дворе, и детектив надеялся, что колёса ещё не успели отвинтить. Впрочем, попытка означала бы ещё один обугленный разрядником труп, и существовала вероятность, что здешние обитатели внимут предупреждению системы.

— Вылезут раньше или позже, — наконец, решил он, — а нам не помешало бы отдохнуть. К вечеру возьмёмся за поиск со свежими силами.

— Как скажешь, — отозвался судья, — Ты ведь не думаешь над тем, что тебе сказала эта клуша?

— Конечно, нет, — сазал Дик Трейси, зевнув, — просто я не спал сорок часов, и если немедленно не отдохну, скоро попросту свалюсь.

Судья не ответил, снова наклеив на лицо дежурную злобную ухмылку.

Серая машина, взвизгнув покрышками, вырулила из внутренного двора огромного жилого комплекса…

* * *

На рассвете два флаера почти одновременно снова приземлились на стоянке «Маяка». Абсолютно пустой.

Вышедший из «Лайтнинга» Виктор думал, что сейчас увидит в клубе в лучшем случае одну только Зельду.

Но клубе и впрямь никого не оказалось. По крайней мере, из людей. Принцесса Селестия грустно констатировала, что брони чрезвычайно её разочаровали.

— Только Зельда звонила, — смущённо, словно оправдываясь, добавила аликорн, — и просила передать, что её подруга заедет за вами с минуты на минуту. Она специально подобрала пассажиров в соседний квартал, так что освободится даже раньше, чем думала.

— Вот она, «магия дружбы», — горько усмехнулся Стивен, обведя взглядом пустой клуб, — Ни черта не изменилось…

— Да, большинству тех, кто ходит в клуб, ещё многому предстоит научиться, — печально согласилась принцесса Селестия, — но не сто́ит на них сердиться. Они в плену стереотипов и сложившихся за век фэндома традиций. А некоторые… просто боятся. Боятся столкнуться с действительностью, от которой убежали в волшебный мир пони.

— Я не сержусь, — сказал Виктор, — просто… удивился. Особенно тому, что пони тоже не пришли.

— Их можно понять, Вик, — принцесса говорила, и в голосе её слышалась настоящая скорбь, — Они — всего лишь маленькие пони. И если неприглядные стороны жизни настолько пугают тех, кого они привыкли считать своей нерушимой опорой в этом мире, то что говорить о них самих?

— А я вот ни капли не удивлён, — отозвался Стивен холодным тоном.

Принцесса повернула к нему увенчанную рогом голову.

— Ты так и не смог им простить случившегося с твоим другом, — произнесла она, и это был не вопрос.

— Я не могу простить той лёгкости, с которой была оборвана одна жизнь и сломана вторая, — ответил Стив, — Ошибки совершают все, но кто-то не хочет на них учиться. А значит, обречён повторить. Кто будет следующим, Ваше Высочество? Виктор, всего лишь пытающийся помочь попавшей в беду пони? А может, я?

— Успокойся, мой друг, — проговорила принцесса, — Помнишь, что я всегда говорю?

Человек опустил глаза и вздохнул.

— Да, Ваше Высочество. Дружба — это не всегда просто. Но она сто́ит того, чтобы бороться. Слова Твайлайт Спаркл из сериала.

— Пока есть хоть один человек, способный не сдаться и не струсить, я не считаю дело брони проигранным, — уверенным голосом сказала принцесса, — Ты и сам это знаешь, Стивен.

Но Стив, хоть и оставался внешне спокойным, не уступил:

— Ваше Высочество, Вы правы, но я всё равно не забуду, как тут «помогли» Питеру. Никогда.

— Кому? — спросил Виктор.

— Питеру Смиту. Он… был моим другом.

— Был? — снова спросил Виктор, — А что с ним случилось?

Стив посмотрел Виктору в глаза, а по мордочке Селестии пробежала тень.

— Любовь с ним случилась, — ответил он негромко, — а также то, что не все эту любовь приняли.

— Это была настоящая трагедия, — добавила принцесса.

— Как так?

— Помнишь, Алан говорил, что любовь — это всегда инициатива человека? — спросил Стив, и Виктор кивнул, — И про стоп-скрипт, эту подстраховку компаний, ты тоже слышал. Так вот, между Питером и его пони была такая любовь, что скрипт попросту смело́.

— Не может быть…

Стивен вздохнул. Теперь он смотрел в сторону, будто погрузившись в события прошлого.

— Пони искренне, всей душой полюбила Питера, — продолжил он, — и тот отвечал ей взаимностью. Ну и они были… любовниками, да. Ты правильно подумал. Более того, Питер успел сделать поняше предложение, как честный парень… ну и не делал из этого секрета.

Виктор вздрогнул.

— Алан и ему подобные отказывались верить, что первым решительный шаг сделал вовсе не

Питер. Я тоже не особенно верил, признаться. Но они пошли дальше и решили «проучить клоппера». Это случилось в парке. Питер, конечно, дрался храбро, но против пятерых не выстоял. А падая, ударился виском о скамейку. Когда подоспели я и полиция, всё было уже кончено. Дело спустили на тормозах, просто признав несчастный случай. Все отделались предупреждениями…

— Боже, — содрогнулся Виктор, — Прости…

Стивен продолжил:

— Я подобрал невесту Питера спустя два дня после похорон. На его могиле. Она просидела там всё это время без еды и питья, а самое главное — без желания жить дальше. К счастью, мне удалось убедить её, что хладный труп любимой — это не то, чему бы обрадовался Питер. С тех пор она живёт у меня и пытается начать жизнь заново. Она же мне и призналась, что первой… выразила свою любовь. Если бы мне об этом рассказал Питер, я бы не поверил… и никто бы не поверил. Но он мне об этом не говорил. А она до сих пор носит его кольцо.

— Мы не рассказываем, где она сейчас, — добавила Селестия, — на всякий случай. В жизни этой пони и без того достаточно горя.

У Виктора в душе бушевали двоякие чувства. С одной стороны, жизнь с пони — это было как-то дико. Но то, как брони из «Маяка» поступили с двумя любящими сердцами, просто повергало в ужас. Особенно в свете провозглашения идеалов магии дружбы.

«В конце концов, тот кто любит лишь внешнюю оболочку, только её и получает», — подумалось парню.

Попытки завязать собственные постоянные отношения с кем-то всегда натыкались на двуличность, обман и мерканильность. Но вряд ли пони была бы способна на такое. Да что там, Вик сам чуть не влюбился в Пинки Пай, что в сети притворялась девушкой! И теперь парень понимал, что видовая принадлежность была совсем не главной причиной, по которой роман не состоялся… хотя всё равно достаточно весомой.

— Кажется, за вами приехали, — заметила принцесса Селестия, прервав затянувшееся молчание.

Они разговаривали в холле, и в главное окно было хорошо заметно, как небольшая колёсная машина вынырнула из-за поворота и затормозила, лихо развернувшись дверью ко входу в клуб.

— До свидания, Ваше Высочество, — слегка поклонился Стивен, и Вик последовал его примеру, — Благодарю, что помогли.

— Удачи, мои маленькие брони, — печально улыбнулась аликорн.

Виктор и Стивен, выйдя из клуба, увидели, как дверь такси распахнулась, и оттуда выпорхнула невысокая стройная девушка, одетая в джинсовый костюм. Ярко-красные волосы были коротко, по-мальчишески острижены.

Девушка, оказавшаяся ростом Виктору по плечо, чуть ли не вприпрыжку подбежала вплотную и протянула руку.

— Наше вам с кисточкой! — выпалила она с улыбкой, — Зельда мне говорила, что кого-то надо сегодня покатать по Серому, так лучшего такси вы не найдёте. Особенно со мной за рулём! Самое потрясное такси Гигаполиса, не будь я Серафима ван Виссер!

— Стивен Агилар. А это Виктор Стюарт.

— Серафима? — переспросил слегка ошарашенный энергией девушки Виктор.

Та сделала неопределённый жест рукой.

— Да, да, предки были с юморком.

— Вы бы поладили с Рейнбоу Дэш, — усмехнулся Стивен, — или с Пинки Пай.

— Я прекрасно лажу с пегаской Зельды, если ты про это, — весело хихикнула девушка, подняв на ребят взгляд огромных карих глаз, — У кого-то из вас пропала пони, да?

— У меня, — ответил Виктор.

— Если она жива, то мы её найдём.

Стивен улыбнулся и сказал:

— Что ж, ребята, я тогда вас оставляю. Вик, если Твайлайт что-то обнаружит, я сразу сообщу тебе. На пегасов надежды мало, но вдруг им тоже повезёт. Не выключай коммуникатор.

— Спасибо, Стив, — Виктор пожал на прощание руку друга, после чего тот сел во флаер и был таков.

Машина Серафимы представляла собой приплюснутую трапецию на шести колёсах. Насколько Виктор мог судить по угловатым очертаниям, модели этой было лет тридцать. Тем не менее, мотор издавал ровный, тихий звук, а корпус хоть и носил следы ремонта, но совершенно не выглядел ветхим.

Стёкла машины были укреплены проволокой, а на бампере красовалась аляповатая, но выглядящая довольно мощной конструкция из труб.

— Что, никогда не видел машину для Серого города? — спросила Серафима, — Садись, не стой столбом. Ну ты и разоделся!

Виктор немного смутился. Стивен посоветовал ему одеться попроще. Парень, оставив универсальный комбинезон, надел просто джинсы, рубашку и галстук-хамелеон, меняющий цвет в зависимости от угла зрения. Впрочем, простой эта одежда, оборудованная слоем нанозащиты от влаги, замятий и даже механических воздействий, климат-контролем и регуляторами влажности, была только с виду.

— Может, возьмём мой флаер? — спросил Вик, не желая развивать тему, и открыл дверь машины.

— Угу. И как только вылезем из него на каких-нибудь задворках, получим по пуле в затылок. Ты знаешь, сколько сто́ит флаер на чёрном рынке? Да ещё исправный?

Виктор молча сел в машину и пристегнул ремень. Он был наслышан о том, что за пределами Белого города случается всякое, и не был особенно шокирован.

Собственно, чем дальше район находился от центра, тем грязнее и опаснее он становился. По слухам, на окраинах, примыкающих к свалкам исполинской многолучевой «звезды» Гигаполиса, царил настоящий хаос, с законами цивилизованного общества не имеющий ничего общего. Там, где хаос переставал быть хотя бы относительно контролируемым, Глобальные вооружённые силы периодически устраивали чистки.

Машина тронулась с места и мягко покатилась по асфальту, влившись в не слишком густой поток других колёсных машин.

Вик усмехнулся про себя. Смотреть на Серый Город снизу вверх было как-то непривычно. И петлять по улицам вместо того, чтобы пролететь по прямой…

Спохватившись, Виктор поднял руку с коммуникатором-браслетом и отдал команду флаеру вернуться домой. Вызвать его можно будет откуда угодно, а «Маяк» хоть и находился рядом с центром, но всё же ещё в Сером городе.

— Итак, кого мы ищем? — спросила Серафима, не отвлекаясь от управления.

— Бледно-зелёную пони-единорога, — ответил Виктор, — Вот, взгляни.

Он положил на приборную панель распечатанное изображение Лиры Харстрингс. Ни одной фотографии он сделать не успел, да и, по правде говоря, это не имело большого смысла,

поскольку скачать из сети типовой портрет единорожки не составило труда.

Девушка усмехнулась и спросила:

— Зачем тебе эта лошадка? Ты извращенец?

Виктор еле сдержался, чтобы не зарычать. Кажется, всем и всегда приходила в голову только одна мысль.

— Она мой друг! — резко сказал парень, — Настоящий друг, который попал в беду!

— Как скажешь.

— Не знаешь, откуда нам начать? — спросил Вик.

— Хм… Как насчёт ипподрома? — вопросом ответила Серафима, но перехватив взгляд парня, улыбнулась, — Шучу!

— Мне говорили, что ты хорошо знаешь Серый город, — произнёс Вик, сдерживаясь, — Как нам найти одну маленькую пони в таком муравейнике?

Сейчас ему идея Зельды Мирас не казалась такой уж хорошей. Эта Серафима с её насмешливым тоном раздражала своими предположениями и шуточками, и совершенно не производила впечатления опытного водителя. Скорее, взбалмошной девчонки-неформалки, ищущей приключений.

— Уверяю тебя, во всём муравейнике не так много бледно-зелёных единорожек, — Серафима усмехнулась, — И как я уже говорила, если с ней всё в порядке, мы её найдём. Знаю я тут одно заведение. Там много пони, не исключено что там твою лошадку видели.

— Лира. Её зовут Лира.

Девушка вдруг повернулась к парню, продолжая, впрочем, вполглаза следить за дорогой. В этот раз её голос был очень серьёзен:

— Не принимай близко к сердцу мою болтовню, Вик. Если ты готов ради своей пони рисковать жизнью в Сером городе, значит и вправду её друг. Ради секс-игрушки так никто не поступает. Особенно если могут позволить себе новую.

— Спасибо…

— Не за что. По крайней мере, ты считаешь себя её другом, а это главное.

— Что значит «считаешь»? Ты сама сказала, что знаешь Рейнбоу Дэш Мирас. Тогда может согласишься, что это всё же не очередной фетиш молодёжи, а нечто большее?

Серафима снова повернулась к дороге и покачала головой:

— Ох, Вик, она может быть замечательной, совсем как настоящей, но она — синтет. Её такой сделали, и какой бы классный у неё ни был характер — это всего лишь поведенческая программа. Это можно принимать или не принимать, но суть останется неизменной. Хотя это не отменяет приятного общения или совместного времяпровождения.

Виктор упёрся:

— Но ведь то же самое можно сказать и о людях. Всю жизнь мы растём в определённом кругу, который навязывает нам свои законы и правила. Считай, это та же поведенческая программа. Что такое «хорошо» и что такое «плохо». А стоит нам сбежать из-под опеки — и мы начинаем глядеть на мир иначе. И так же с синтетами. Они способны к обучению, к принятию самостоятельных решений, ведь яркий тому пример — синтеты, которые работают сами на себя. В чём тогда разница?

Девушка больше не отвлекалась от дороги, но на лице появилось задумчивое выражение.

— Знаешь, Вик, если так думать, то тогда становится совсем неясно, где заканчиваются синтеты и начинаются люди. Даже внешность по нашим временам не показатель: видел бы ты, что вытворяют со своим телом модификанты… Так что же, считать что различие — только в биочипе с меткой? Я всё же смею надеться, что между воспитанием и поведенческой программой есть разница.

— В сущности, если этой самой разницы не видно, так может, её и нет? Если бы наше воспитание играло такую важную роль, мы бы не убивали друг друга на протяжении стольких веков. Да и поведенческая программа — это не более чем набор условностей. В противном случае не было бы парней, что охотятся за сбежавшими синтетами…

Виктор вдруг осёкся. Серафима скосила глаза и обнаружила, что парень даже опал с лица от страшного предположения.

— А что если?.. — начал он, не найдя сил закончить.

Девушка покачала головой:

— Ничего не могу пока точно сказать. Я знаю клуб вроде вашего, где собираются ребята, что любят поразвлечься с цветными пони. Если твоя лоша… Лира, да?.. попала в переделку, то не

исключено, что именно там.

— «Пони-Плей»?

— Слышал о нём? Да, он.

— Тогда это клуб не «вроде нашего».

— Да? А мне казалось, вам нравятся пони.

— Не в этом смысле!.. — Парень осёкся, увидев улыбку Серафимы, — Проклятье, ты хоть сигналь, когда прекращаешь серьёзный разговор и начинаешь хохмить!

Девушка беззлобно рассмеялась:

— Ага. Точно! — она придала голосу интонации автоответчика, — «Бип-бип, Серафима в режиме стёба, оставьте сообщение после сигнала! Если хотите послушать бородатый анекдот, нажмите один. Если хотите, чтобы Серафима отмочила пошлую шуточку, нажмите два…»

Виктор не смог сдержать улыбки.

И почему Серафима так напомнила ему Пинки? Вспомнилась девчонка с розовыми кудрями, которой притворялась Пинки Пай Аддерли.

Такой же моторчик…

* * *

…Принцесса Селестия со вздохом выключила монитор киберсети.

Произошедшее лежало на сердце свинцовой плитой. После стольких лет аликорн впервые думала, что добровольно взваленная на себя ноша духовного лидера брони-сообщества оказалась ей не по силам.

Да, она не обладала реальным опытом тысячелетий. Но всё же, благодаря обширным познаниям и способности анализировать, тешила себя надеждой, что смогла донести до

людских сердец хотя бы часть того, что сделало бы лучше и жизнь пони, и их собственную.

«Неужели я ошиблась?» — подумала Селестия и почувствовала, как к горлу подкатил комок.

Мрачные раздумья оборвал раздавшийся стук в дверь.

— Войдите, — сказала принцесса упавшим голосом, хотя никого не хотела сейчас видеть. И уж тем более выслушивать жалкие оправдания.

— Ваше Высочество, — В дверь просунулся Серж Трояновский, — Простите, что отрываю, но… не могли бы Вы спуститься в зал?

Прежде, чем аликорн успела ответить, человек закрыл дверь.

Понадобилось несколько секунд, чтобы совладать с собой. Принцесса испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, брони всё же пришли. С другой, они будто специально дожидались, пока Виктор и Стивен уедут — зачем? Чтобы оправдаться перед принцессой? Стыдливо просить прощения, так ничего и не изменив?

Иногда аликорн думала, что для духовного лидера проявляет непростительную мягкость. Люди — не пони, и увещевания редко когда падают на благодатную почву.

Солнечная принцесса тряхнула головой и вздохнула. Подумалось, что зачастую ей самой не помешала бы духовная поддержка. И хотя Селестия не имела воспоминаний об Эквестрии и только притворялась перед пони персонажем сериала, иногда её охватывали приступы беспричинной тоски по кому-то родному, близкому — даже больше, чем особенному.

Селестия знала, по кому.

Ей иногда просто невыносимо не хватало сестры. Единственного существа, перед которым принцесса могла сбросить все маски, побыть немного собой или просто излить душу и выплакаться. Положа копыто на сердце, никому другому Селестия не смогла бы довериться настолько сильно.

Конечно, брони откладывали деньги на покупку Луны, но до нужной суммы было ещё куда как далеко. Попытки же выйти на связь с уже имеющимися в Гигаполисе принцессами Ночи успехом не увенчались.

Аликорн ещё раз вздохнула и двинулась к лестнице, решив на этот раз проявить твёрдость с людьми, которые годами называли себя её учениками, но в ответственный момент отступились. И хотя аликорн и не осуждала их за это, программа обучения магии дружбы явно требовала корректировки.

Внизу было немноголюдно. Пришли лишь Зельда Мирас, Серж Трояновски, Шеннон Макстаут и Райнер Штайн, почему-то Алан Литл и ещё пара человек, каждый со своей пони.

Когда Селестия вошла в зал, из динамиков на автомате грянули фанфары. Все присутствующие поклонились, и вперёд вышел Серж.

— Ваше Высочество, — сказал он, — Мы понимаем, что заслужили Ваше неодобрение… И вполне заслуженно. К сожалению, нам понадобилось время, чтобы осознать это, но мы…

Человек осёкся, перехватив взгляд лавандовых глаз аликорна.

— Я не желаю слышать оправданий, — холодно ответила принцесса, — Особенно от вас, мои дорогие брони. И не неодобрение я испытываю, а глубочайшее разочарование. Разве бросить нового друга в беде — это магия дружбы? Разве этому учили вас мои маленькие пони, мир Эквестрии и я сама?

— Ваше Высочество! — вдруг раздался голос Твайлайт Спаркл Трояновски.

Лавандовая единорожка вышла вперёд и тряхнула головой, убирая с глаз непослушную прядку чуть более длинной, чем в сериале, гривы.

— Слушаю тебя, моя маленькая пони, — произнесла Селестия более спокойно.

Она была готова к тому, что Твайлайт начнёт выгораживать друзей-брони и была готова к тому, чтобы мягко осадить слишком добросердечную единорожку.

— Я говорю от имени всех пони клуба, — решительно заявила Твайлайт и посмотрела в глаза принцессе, — и мы просим дать нам и нашим друзьям возможность поискать Лиру Хартстрингс. Прямо сейчас. Раз уж мы опоздали. Но у нас была веская причина, Ваше Высочество.

— И какая же? — спросила аликорн.

Голос подала другая единорожка, белая Твинклшайн:

— Ваше Высочество, мы совещались. И решили, что наша дружба нуждается… в проверке.

Принцесса удивлённо приподняла слегка подведённую карандашом бровь.

Твайлайт, бросив взгляд на не смеющих поднять глаза людей, продолжила:

— Мы, пони, решили между собой, что если наши… друзья не пришли на помощь Лире и Виктору, то значит, когда-нибудь они могут бросить в беде и нас. И что хорошим стимулом для брони будет прийти сюда, когда кому-то так нужна поддержка.

Аликорн заметила, что никто из людей не стал возражать. Действительно, что толку в словах, если дела говорят сами за себя?

И судя по выражению лиц, всем присутствующим уже был преподан тот урок, о котором только начала было размышлять принцесса Селестия.

Оглядев ещё раз людей и пони, принцесса колебалась лишь несколько секунд.

— Хорошо же, — строго сказала она, — Мы поможем в поисках Лиры так…

http://tl.rulate.ru/book/82033/2552546